

Ю. В. Макогон,
доктор экономических наук, профессор,
академик АЭН Украины,
ORCID 0000-0002-3387-7031,
e-mail: makogon1947@gmail.com,
Донбасская государственная машино-
строительная академия, г. Краматорск

На изломах времён... Моя летопись полувека*

Эссе. Часть первая

Долго раздумывал о том, какой жанр повествования избрать... Решил: эссе, и эссе документальное; правда, не смог найти такого определения – «документальное», но всё же принял его. Вся сложность в том, что мне приходилось и приходится до сих пор публиковать в основном научные статьи или статьи на экономические темы. Но были и чисто газетные и журнальные статьи. Поэтому со временем я стал членом Союза журналистов. Всё же есть некая сложность в изложении материала.

Далее начал определять: излом каких времён будем рассматривать?

И здесь надо вспомнить о двух предыдущих попытках рассказать о том времени, в котором жил, становился тем, кем являюсь теперь, и о возникновении потребности в попытке рассказать о пережитых, да и ещё переживаемых, последствиях изломов времён...

С моим соавторством вышли две сугубо документальные книги.

«Краматорский экспедиционный корпус. Походы дорогами боевой славы: события, история, размышления... (мемуары)». Книга писалась долго, дополнялась, трижды переиздавалась. Последнее полиграфическое издание состоялось в 2010 г., а потом она издавалась в электронном виде, и последняя редакция вышла, когда началась война на Донбассе. Книга охватывает период с 20-летия Великой Отечественной войны до начала 70-х годов. В этой книге есть определённая информация и о моей армейской службе.

Вторая книга, также в соавторстве, «Как мы были... или отдел рабочей и сельской молодёжи 35 лет тому назад (мемуары). Книга первая: 1972–2007 гг.». Тираж книги был небольшим, в хорошем полиграфическом исполнении, пришлось найти возможность организовать дополнительный тираж. Он вышел также в ограниченном объёме и немного в другой редакции под названием «Комсомол – моя жизнь, гордость и моя память... (мемуары)». В дальнейшем именно эта редакция неоднократно переиздавалась в электронной версии.

Обе эти книги распространялись, прежде всего, среди участников этих событий, ветеранов войны, комсомола, членов их семей, были переданы в музеи. И конечно, не началась война на востоке Украины, которая длится более 6 лет, обе книги были бы дополнены и переизданы...

О первой книге была издана перед самой войной и научная статья в Историческом вестнике Донецкого национального университета. Книга о КЭКе получила награды Союза журналистов за освещение военно-патриотической темы.

Периоды жизни, представленные в обеих книгах, – советское время, другое дело, что в них есть материалы более поздних периодов времени, где речь идёт уже о встречах и жизни теперь уже ветеранов походов и комсомола, но об этом речь впереди. Во время работы над воспоминаниями в двух книгах приходили грустные мысли о том, как много мы потеряли в погоне за поспешными преобразованиями в жизни общества, лишив молодёжь таких естественных для них организаций, как комсомол и пионерия, школу которых прошёл сам, как и большинство моих сверстников. Таким образом, определились периоды нового повествования. К некоторым временным периодам из этих книг мы ещё будем обращаться в дальнейшем повествовании. Поскольку в произведении я не буду затрагивать промежуточные итоги работы, особенно в ДонГУ (впоследствии – ДонНУ), чтобы не превратить его в отчёт о проделанной работе, отсылаю читателя к двум юбилейным изданиям к 60-летию и 70-летию «Библиографический указатель» на украинском языке – хранятся в библиотеках Мариупольского и Донецкого университетов.

Когда в середине 70-х годов завершилась моя работа в комсомоле, несмотря на предложения работы в советских органах управления, я решил вернуться к профессиональной деятельности. Жизнь моей семьи была очень тесно связана с Краматорском и конкретно со строительством, становлением и развитием Новокраматорского машиностроительного завода. В начальный период оба деда были

* Авторская редакция сохранена.

причастны к этому, а в военный и послевоенный периоды папа и мама работали на заводе. Поэтому выбор вуза был прост – Краматорский индустриальный институт. В 1970–71 гг. – мастер механо-сборочного цеха НКМЗ. Я стал третьим поколением новокраматорцев. И вот теперь не было сомнений, какой профессиональный выбор будет сделан.

Здесь возникла потребность в отступлении для рассказа о самом окончании вуза. Это делает более понятными последующие события. На завершающих двух курсах института, когда уже в учебной программе пошли исключительно профессионально ориентированные курсы и предметы, я стал получать повышенную стипендию и занялся научно-исследовательской работой в НСО. Стал работать в лаборатории кафедры и участвовать не только в учебных, но и в научных семинарах и конференциях. Проводились настоящие эксперименты, для которых использовалось специальное оборудование. Это потребовало дополнительно новых знаний и навыков. Кроме этого, обеспечение экспериментов требовало поиска и доставания различных материалов и расходных комплектующих. Например, лампы и плёнка для осциллографа, оргстекло, которое позволяло моделировать и демонстрировать процесс обработки металлов давлением. И здесь пригодилась связь на НКМЗ и в воинской части. В итоге работа над исследованиями в рамках студенческого научного общества вывела моих наставников на мысль об углублении и расширении процесса. Так сформировалась идея использовать подготовку мной дипломного проекта вместе с преддипломной практикой для создания опытно-экспериментальной установки штамповки взрывом. Причём в этой установке решили объединить две технологии, штамповки взрывом и гидравлическим ударом. Сами процессы были известны, но широкого применения не находили, требовались более глубокие исследования. Детали, получаемые с помощью таких технологий, имели очень высокие показатели по точности изготовления, а также чистоте получаемой поверхности и прочностным характеристикам изготовленных деталей. Такие детали широко использовались в авиа- и ракетостроении; в связи с этим мы с моим руководителем выехали в командировку в Харьковский авиационный институт. Там меня ждали новые открытия и разочарования. Снова я увидел крайне низкий уровень финансирования науки и бытовую неустроенность научных работников. Нормальным явлением была жизнь кандидатов наук с семьёй в общежитии. Но – снова о науке. У штамповки взрывом вообще была история войны. Военные инженеры заметили, разбирая и восстанавливая мосты и рельсовые железнодорожные пути в годы Великой Отечественной войны, что в местах непосредственной близости к взрыву происходила высокопрочная сварка, по прочностным характеристикам превосходящая основной металл. Под руко-

водством ученых кафедры в рамках дипломной работы мной были созданы не только чертежи общего характера, но и раздетализовка для последующего запуска в производство. Работал я на практике в конструкторском бюро, которое возглавлял мой папа. Нам удалось пойти дальше. Дело в том, что НКМЗ в эти годы разросся и был преобразован в ПО. В его структуре, на базе конструкторско-технологических подразделений, был создан институт. В свою очередь, в производственной части – опытно-экспериментальный цех. Папа помог открыть заказ в этом цехе по изготовлению установки. Так я защитил абсолютно реальный проект, высокоскоростная установка для определения сопротивления деформированию в условиях дополнительного всестороннего сжатия для изготовления импульсным методом была изготовлена и смонтирована в лаборатории кафедры машин и технологии обработки металлов давлением. Предполагалось, что после службы в армии я приду в аспирантуру и защитю кандидатскую диссертацию на основе экспериментов на этой самой установке. Но не случилось, жизнь распорядилась по-своему. На установке за 20 лет её работы были защищены 3 докторские и 8 кандидатских диссертаций. Как видим, науку не баловали средствами финансового и материального обеспечения. Запуск опытно-экспериментальной установки потребовал ещё много времени, ведь пока было сделано только «железо», а нужны были комплектующие и другое вспомогательное оборудование, но главное было сделано. Альма-матер получила опытно-экспериментальное оборудование.

Теперь возвращаемся в наше повествование к работе в обкоме комсомола. При этом важно иметь в виду, что работа в отделе рабочей молодёжи обкома комсомола позволяла мне и моим товарищам постоянно находиться в гуще событий развития промышленности крупнейшего индустриального региона страны, присутствовать при выработке и принятии решений, касающихся тех или иных технических, технологических, организационных и экономических вопросов на предприятиях области. А если сюда добавить конкурсы профмастерства или научно-техническое творчество молодёжи, то можно понять, что многое было не потеряно, а, наоборот, приобретено: кругозор знаний о промышленности был расширен и поднят на новый уровень. Об этом достаточно подробно шла речь во второй книге о комсомоле.

К счастью, в Донецке не было недостатка в машиностроительных заводах, но выбор был сделан очень быстро. ПО «Донецкгормаш», основой которого был машзавод им. Ленинского комсомола Украины, судьба которого была тесно связана с НКМЗ. Начался новый, непростой период жизни. Работа поглотила всё моё время и меня целиком, каждый день открывал новые горизонты, были востребованы мои профессиональные знания и, ко-

нечно, приобретались новые. Когда заходит разговор об этом периоде развития страны, почему-то сразу говорят о «застое». Категорически не согласен! Я видел изнутри развитие такой базовой высокотехнологичной отрасли, как машиностроение, и связанных с нею отраслей – и смею утверждать, дело не в этом. Там были другие причины, и разговор о них впереди... А вот у людей, живших в то время, это период стабильности, спокойствия, уверенности в завтрашнем дне.

Эти годы, 1976–1989, для меня связаны с работой на предприятиях машиностроения Донецка и Ясиноватой. Они вместили в себя должность замначальника, впоследствии начальника самого крупного цеха Донецкгормаша, здесь же была учёба в Москве и поступление в заочную аспирантуру Краматорского НИИПТМаша, хотя на самом деле аспирантура проходила в ИЭП АН УССР (с этим академическим институтом сотрудничаю по сей день – более 40 лет), первые научные конференции и публикации в области экономики промышленности. В машиностроении активно реализуются косыгинская реформа хозрасчёта и относительная самостоятельность предприятий.

Вот мы и приблизились к первому излому. Закончилась эпоха «застоя», произошла мощная замена кадров на всех уровнях – от первого руководителя страны и до предприятий и организаций. Ещё в период завершения учёбы в школе мы были свидетелями преобразований, связанных с уходом Хрущева, а до этого были эпохальные события с его преобразованиями и реформами, в т. ч. и в экономике. Т. е. можно утверждать, что советский человек всегда готов преодолевать трудности, бороться за выполнение планов, к битве за урожай и т. п., это присуще нашему образу жизни. Но теперь было много необычного, да и восприятие совсем иное. Моё поколение приближалось к 40-летию, а во главе государства – люди возраста моего деда, в регионах и на крупных предприятиях – возраста моих родителей. Однозначно утверждать, что это плохо, нельзя, но есть некая особенность нашего уклада жизни – окружать себя подобными себе; здесь есть о чем подумать.

К этому времени, к середине 80-х, я прошёл неплохую школу в машиностроительной отрасли, четыре года руководил самым крупным цехом на ПО «Донецкгормаш», возглавлял опытное производство на почтовом ящике, был начальником производства на Ясиноватском машзаводе, а к моменту, о котором будет идти речь, был главным экономистом завода. В год своего сорокалетия защитил диссертацию на соискание степени кандидата экономических наук на тему «Организация управления опытным производством на предприятиях машиностроения», но подробнее мы ещё обсудим этот момент в жизни не только отдельно взятого человека, а и вообще, как происходили события подобного

рода, как пробивались «производственники» в науку, обретая учёные степени и звания.

Находясь на руководящих должностях на заводе, я довольно часто выезжал в командировки по стране, а особенно в Москву. Масштаб преобразований нового Генсека ощущался не только на примере предприятия, где работал, и региона, где жил, но и в целом по стране, а главное – и в столице. Одно из первых мероприятий, ознаменовавших избранное направление деятельности нового руководства страны – научно-технический прогресс, который был озвучен на первом же Пленуме ЦК КПСС, меня воодушевило. Это открывало широкие перспективы для машиностроения и внедрения научных разработок, чему и была посвящена моя кандидатская диссертация, кстати, это сразу ускорило принятие её к защите в ИЭП АН УССР. Однако другие действия политического руководства, получившие громкое и не совсем понятное название «перестройка», очень насторожили, а впоследствии – разочаровали.

Особенно раздражали пустая говорильня, неустойчивость в целом положения в обществе, потеря управляемости, вошедшие в употребление к месту и не к месту слова: плюрализм, консенсус, новое мышление (с ударением на первый слог). Резкий переход от холодной войны к заигрыванию с Западом, потерю роли главных победителей во Второй мировой войне, сдачу наших позиций в мире, завоеванных такой ценой, я, как представитель первого послевоенного поколения, принять не смог.

Это и был первый излом, точнее, его начало, ибо всё происходило не одномоментно, да и страна огромная...

Не могу не упомянуть ещё некоторые особенности этого периода, которые коснулись работы предприятий. Например, выборность руководителей. На первый взгляд, демократичная процедура, отчётность руководителя перед трудовым коллективом, а на деле – размыта вертикаль управления, дана возможность проявиться склокам; особенно такое недопустимо, если это касается оборонной промышленности, куда относятся машиностроение, добывающая отрасль, металлургия, энергетика, транспорт и т. п. Эта ситуация оказалась на руку конъюнктурщикам, карьеристам, временщикам и прочим...

С середины 80-х гг. на мою родину стали возвращаться имена учёных-экономистов из небытия недавней истории и из-за границы, появилось много публикаций по вопросам экономики, в т. ч. по хозрасчёту, прогнозированию экономического развития, опыту соцстран Восточной Европы, реформ в Китае. А в реальной экономике происходили парадоксальные вещи: чем больше о ней говорили, тем хуже становилось с обеспечением населения элементарными продуктами и товарами широкого потребления. И если в предыдущие «застойные» годы дефицит касался предметов роскоши или товаров долговременного пользования (среди них такие, как

кооперативные квартиры, автомобили, золото, ковры, элитная одежда, обувь, бытовая аппаратура и другие подобные товары, даже деликатесные продукты), то теперь магазины встречали покупателей полупустыми полками. Расцвели пышным цветом различные спецмагазины и спецраспределители, спецпайки, валютные магазины или магазины по чекам Внешпосылторга. И чем дальше от столиц и больших городов, тем хуже была картина. Экономика страны была больна. Ко всем неоднозначным действиям и реформам добавили антиалкогольную компанию, не оценив последствий не только экономических – серьёзную зависимость бюджета от алкогольного акциза, но и последствий переключения населения на самогонование, наркотики и другие экзотические химические токсичные изделия, вплоть до клея.

В эти годы я навёрстывал пробелы в своём экономическом образовании. С одной стороны, моё высшее образование – техническое. С большим интересом во время учёбы изучал политэкономия, а на старших курсах – организацию и управление машиностроительной отраслью. А с другой стороны, на НКМЗ я работал мастером, т. е. решал по большей части управленческие задачи, а не технические. В ещё большей степени это обозначилось в период работы начальником цеха на Донецкгормаше, закрепилось в период руководства опытным производством на почтовом ящике, ну а в полной мере проявилось на Ясиноватском машзаводе, где вначале руководил механосборочным производством, а затем меня назначили начальником планово-экономического отдела – главным экономистом завода. Вот здесь потребовались знания экономики. Я уже упоминал свою учёбу в Москве перед назначением начальником цеха на заводе ЛКУ. Переподготовка в столице сводилась в большей степени к изучению современных методов организации производства, планированию и управлению. Заметьте, ещё всё-таки не чистая экономика. Участь в аспирантуре, я более системно изучал экономику и даже сдавал дополнительно кандидатский экзамен, поскольку базовое высшее образование – техническое. Теперь в полной мере необходимо было применить на практике эти знания на втором по величине и значимости в Союзе предприятии горного машиностроения Минтяжмаша.

И вот, на рубеже 1987–1988 гг., я защищаю диссертацию на соискание учёной степени кандидата экономических наук, хотя и по специальности «организация, управление и планирование промышленного производства», т. е. не совсем чистая экономика. В этом месте необходимо сделать некие пометки на полях. Когда я стал подавать свою диссертацию в Спецсовет по защите диссертаций в ИЭП АН УССР (г. Донецк), по процедуре было необходимо получить из НИИПТМаша (г. Краматорск) выписку с положительным решением учёного совета по моей диссертации, чему предшествовало немало

суматошных хождений по кабинетам и заседаний секций в отделах института. Самое интересное то, что научные работники, которые принимали у меня работу к предзащите, сами были в основном без учёных степеней. Можно только догадываться, что они думали и о работе, и обо мне. И вот, получив все визы и согласования, несусь на подпись директору института на утверждение позитивное решение и саму диссертацию. Директор – очень известный в стране учёный и организатор науки. Мы пересекались на различных совещаниях в Минтяжмаше (Москва). Секретарь принимает выписку с диссертацией и назначает время получения утверждённых материалов. Когда я прибыл получить документы, секретарь с некоторой растерянностью говорит, что не подписано и «шеф» просит меня зайти. Естественно, с определённым волнением вхожу к директору. Он, человек опытный, видит, как я напряжен, и с порога говорит: «Не беспокойтесь, я подписал позитивное заключение по вашей диссертации, но мне было интересно пообщаться с вами». Разговор оказался довольно продолжительным и сводился к тому, что он, директор, несколько лет пытается создать опытное производство при институте, а в моей диссертации увидел многое из того, что заинтересовало. При этом он понял, что диссертация написана от реального материала и человеком, сделавшим это. Далее последовало приглашение, параллельно с защитой диссертации, возглавить ОЗ НИИПТМаша. Объяснив свои обстоятельства, я вынужден был отказаться от столь лестного предложения, но в душе остались и сохраняются до сих пор приятные ощущения от одной из моих первых побед в науке.

Здесь необходимо сделать некое пояснение. Подготовительный период к защите я делал максимально скрытно, насколько это возможно. Дело в том, что, работая на заводе ЛКУ, я поступил в аспирантуру, не таясь работал над научными статьями, сдавал кандидатские минимумы, наивно считая, что повышение образовательного уровня способствует и повышению эффективности моего управленческого труда (?!). Часть учёбы в аспирантуре проходила незаметно, например, я не просил отпусков на подготовку и сдачу экзаменов, хотя по закону это полагалось, а вот публикации по материалам машиностроительной отрасли требовали приложения акта из особого отдела завода, что статья не содержит закрытых данных, который утверждал главный инженер завода. А тут ещё ко всему прочему меня избрали в партком завода, который был на правах райкома партии, и где-то в кулуарах пошли разговоры о дальнейшем выдвижении меня на должность замсекретаря парткома. Эти два раздражающие фактора для некоторых руководителей – участвовавшие научные публикации и избрание в партком, с последующими перспективами возможной партийной карьеры, – привели к тому, что после одного из непростых совещаний у директора завода меня оставили и подвергли проработке, мол, так чем будем за-

ниматься, руководством цехом и выполнением плана или... Полагаю, что меня «сдал» главный инженер завода. Небольшое отступление. В один из дней ко мне обратился мой бывший руководитель по краматорскому горкому и областному комитету комсомола. Теперь он возглавлял производство на заводе «Топаз», тогда малоизвестном предприятии, и попросил выполнить шлифовальные операции на металлоконструкции очень сложной и необычной формы. Спустя много лет в той детали я узнал конструкцию «Кольчуги», с которой завод «Топаз» прославился на весь мир и очень раздражал НАТО, пока Украина не разрешила посетить предприятие не только техническим экспертам, но и генеральному секретарю НАТО. Потом судьба сведёт меня с этой отраслью, и та станет частью моей жизни.

Но вернёмся к перипетиям, связанным с моей учёбой в заочной аспирантуре. Далее схема проста, команда «фас!» прозвучала, и теперь иммунитет некой независимости и успешности был подвергнут постоянным нападкам, что и привело меня к переводу на почтовый ящик, где я сделал довольно большой объём работы над диссертацией. Как выражались в то время, «в ящике» я создавал и организовывал опытное производство, что сыграло в последствии существенную роль в подборе фактологического материала для диссертационной работы. Сделаем здесь, в 1980 г., небольшую остановку, чтобы в разумных пределах пояснить, чем занимались на почтовом ящике и как это помогло мне в подготовке к защите кандидатской диссертации. Когда меня приняли на работу, опытное производство только формировалось. Параллельно завершалось строительство объекта. В центре внимания была установка порошковой металлургии. Сам процесс спекания металла (черного или цветного) был известен достаточно давно, но ряд отраслей нуждались в композитных материалах определённого свойства. Не буду отягощать повествование тонкостями технологий, лишь обращаю внимание на то, что интерес к этим экспериментам был у аэрокосмической отрасли, связи и др., связанных с ВПК. Гораздо позже мир увидел советский космический корабль много-разового использования «Буран» – и облицовочные плитки корпуса корабля были сделаны по этой технологии, в их создании были и наши наработки. Установка или печь долго не получалась, не выходила на необходимые параметры. Как инженеру, окончившему металлургический факультет, хотя и по обработке металлов давлением, многое было близко в этой работе и в технологических экспериментах. Было понятно и то, почему в промышленности сложно внедрить такие технологии и как они дороги. Через некоторое время наш почтовый ящик объединили с другим, и на опытное производство пришло новое задание – установка «Астра» для космической связи. В этом эксперименте мы участвовали лишь изготовлением «железа». По завершении этого этапа работы мы доставили установку в запад-

ный регион УССР – Черновцы, где установка была включена в комплекс и, говорят, хорошо себя показала.

Отступление завершено – и возвращаемся к проблеме аспирантуры без отрыва от производства. На Ясиноватском заводе я учёл свой горький опыт. И поэтому всё происходило в режиме максимальной закрытости ведения научной работы, но всё равно оставалась проблема подписания разрешения на публикации статей, приходилось быть осторожным, но и люди оказались здесь более порядочные. Итак, защита состоялась – и стала неожиданностью для некоторых руководителей завода. Необходимо для полноты картины добавить, что почти одновременно с этим событием было назначено отчётно-выборное партийное собрание заводоуправления, а это самая большая парторганизация завода. Поскольку новые веяния в партии требовали и иных подходов, было предложено не вносить кандидатуру секретаря парторганизации от парткома, а опросить коммунистов и определить, кто пользуется наибольшим доверием, и после этого вносить кандидатуру для избрания. Результат для меня оказался неожиданным, большинство назвали моё имя и тут же проголосовали «за». Директор демонстративно покинул конференц-зал в знак несогласия с таким решением. Как раз в это время шла незаметная для окружающих кропотливая работа по подаче моей диссертации в спецсовет по защите ИЭП АН УССР. Борьба шла с переменным успехом, сказывались и моя недостаточная подготовка для уровня академической науки, и стереотип, сложившийся по отношению к соискателям с производства. Со временем обстановка становилась более благоприятной, нашлись точки соприкосновения науки и практики. Борьба перешла в сотрудничество, и на одном из очередных промежуточных рассмотрений моего исследования один ведущий д. э. н. ИЭП бросил фразу: ну сколько можно улучшать – нет предела совершенству, давайте принимать! И всё сразу стало на место – и работу приняли к защите. А вот на защите произошёл эпизод, на который, скорее всего, никто внимания не обратил, но он в моей памяти до сих пор, как беседа с директором НИИПТМаша. В спецсовете была одна дама, д. э. н., прибывшая в наши края из России при создании института. Имела очень независимый и категоричный характер и часто, как говорится, срезала соискателей, допускала резкие высказывания по оценке работ при их защите. Она знала о том, как её побаиваются соискатели. И вот, при обсуждении моей защиты, она получает слово для задавания вопросов, берёт своё кресло, переносит его к стенду, где развешены демонстрационные плакаты, выполненные на ватманских листах. Я весь напрягся, что не ускользнуло от её взгляда, а она достаточно громко реагирует, что знает, как соискатели остерегаются её вопросов, и заявляет, что моя работа ей нравится и, более того, она хочет в познавательном плане кое-что уточнить

у практика с производства. Конечно, тут ко мне пришли спокойствие и уверенность, и защита прошла нормально. И всё-таки практикам непросто защищать диссертации.

И снова повторилась история, произошедшая на ЛКУ. «Фас!» прозвучало, моя должность уязвима с точки зрения поиска ошибок в работе и прочих упущений, причём не личных, а вообще, участок работы такой. Но отличие ситуации в том, что я уже состоявшийся кандидат наук, и «ату его!» не прошло. Однако отношения с директором и преданным ему окружением стало непростым и напряжённым. Вскоре после успешной защиты ко мне проявили интерес госуниверситет, машиностроительный техникум и общество «Знание», естественно, продолжилось и сотрудничество с ИЭП АН, в т. ч. в научной и публикационной деятельности. Я стал совмещать работу на заводе с научной и преподавательской деятельностью, но главное то, что время требовало ответов на вопросы и вызовы периода радикальных изменений в стране. И количество произошедших со мной событий стало переходить в новое качество становления меня как специалиста новой формации по управлению экономикой промышленных предприятий. Таким образом, можно сделать неутешительный вывод о том, что человеку с производства очень нелегко было защитить диссертацию, опубликовать результаты научной работы, внедрить разработки в производство. Передо мной был опыт тоже непростого пути моего папы, Макогона Владимира Герасимовича, к защите кандидатской диссертации по совокупности работ. Тема работы «Разработка, внедрение и исследование новых конструкций машин и технических решений, определяющих повышение производительности, расширение сортамента и улучшение качества продукции широкого спектра станков горячей прокатки» по специальности «Технология и машины обработки давлением». И это при том, что у него было более пятидесяти авторских свидетельств, в т. ч. внедрённых за рубежом, издано две книги, ему было присвоено звание «Заслуженный изобретатель УССР». И всегда на нашем с ним непростом пути получения признания в науке, кроме недоброжелателей, находились люди, которые поддерживали, и не только добрыми словами, а брали на себя ответственность, подписывая ходатайства, характеристики, акты внедрения и разрешения к публикации.

В один из «непрекрасных» дней к нам на Ясиноватский машзавод прибыла проверка. Среди членов комиссии была завотделом облстатистики. В те времена начисление зарплаты и особенно премии ИТР и руководящему составу происходило по «товарной» продукции, принятой ОТК. Такой продукцией считались машины и оборудование, отгруженные на склад готовой продукции, но завод такой продукции имел крайне мало, в основном это были товары народного потребления, например, детская

коляска, клещи, отвёртки, запчасти и т. п. А основная продукция – проходческие комбайны, проходческие щиты для строительства метро, закладочные комплексы – отгружалась прямо из цеха на вагоны МПС или оставалась на покрасочной площадке, упакованной и готовой к погрузке. Сейчас это не имеет того значения, как это было в советское время, главное реализовать продукцию и получить оплату от заказчика. Но вот здесь и кроется «дьявол». Проверяющая из облстата установила, что мы незаконно включили в товарную продукцию ряд изделий. А, например, только один комбайн проходческий имел цену около 200 тыс. руб. Это очень серьёзное нарушение, последовали штрафные санкции, лишение премий, взыскания и даже снятия с руководящих должностей. Отчётность по экономическим показателям завода лежит на службе, которую я возглавлял. Неоднократно ездил в Донецкий облстат с документами и разрешал проблемы. В одно из посещений произошла встреча с бывшей работницей обкома комсомола. Теперь она возглавляет отдел кадров облстата. Разговорились, при этом выяснилось, что руководитель облстата ищет специалиста, под требования к которому подпадаю я: учёная степень, практический опыт экономической и аналитической работы на предприятии. Так неожиданно произошёл серьёзный поворот в моей трудовой деятельности. Было это в конце 1988 г.

В настоящее время цифровая экономика – будни, а тогда мы были в начале пути, и есть необходимость поделиться определёнными мыслями по этому поводу. Ещё в институте в конце 60-х годов нас знакомили с основами использования ЭВМ в инженерной практике, но в реальности главным инструментом была логарифмическая линейка, а в финансово-экономических подразделениях и бухгалтерии – арифмометр и просто счёты, стали появляться счётные машинки. В СССР одним из ведущих был Институт кибернетики АН, впоследствии получивший имя его создателя и руководителя – академика Глушкова. На предприятиях создавались ВЦ и АСУ, в Минске был построен завод по производству ЭВМ. Постепенно в рамках СЭВ произошла специализация: счётные машинки – Болгария, ЭВМ – ГДР. На НКМЗ, где начинался мой путь в машиностроении, ВЦ и АСУ работали на очень серьёзном уровне, и завод был в лидерах Минтяжмаша СССР в освоении вычислительных технологий в инженерных расчётах, моделировании и проектировании конструкторских и технологических разработок, учёте и распределении материальных ресурсов, планировании, загрузке оборудования, бухгалтерии.

Когда продолжилась моя профессиональная деятельность на «Донецкгормаше», то и здесь я встретился с высоким уровнем использования ЭВМ в организации производственной, экономической, конструкторско-технологической работы, в учёте движения материальных и финансовых средств. Но

непосредственно я работал с ВЦ по вопросам составления загрузки оборудования цеха, составления графиков выполнения плана и производства деталей, узлов и машин. Это потребовало новых знаний, ведь минуло более шести лет после окончания вуза, да и техника и технологии, основанные на использовании ЭВМ, шагнули далеко вперёд. Подспорьем мне в освоении новых знаний послужили переподготовка в Москве, учёба в аспирантуре и, конечно, щедрая помощь и поддержка старших коллег. Впоследствии на Ясиноватском машзаводе и в производственно-диспетчерской службе и ПЭО я уже сам инициировал использование ВЦ для более широкого круга задач, чему научился на ЛКУ. При этом был прецедент радикального внедрения мной вычислительной техники в работе. В ПЭО я обратил внимание на манипуляции сотрудниц при выполнении экономических расчётов. На столах лежали старые конторские счёты с костяшками, а в выдвижном ящике стола – болгарская счётная машинка. Сотрудница, выполнив расчётные операции на машинке, проверяла результат на костяшках бабушкиных счётов. Пришлось проявить эмоциональные средства убеждения и выбросить в окно счёты, под окном было поле, а бухгалтерия сделала на меня начёт за порчу имущества, кстати, счёты оказались очень дорогими и на них были инвентарные номера. Это некий экскурс в личную историю участия в развитии технологий применения ЭВМ в производстве, в частности в экономике, организации, управлении и планировании машиностроения.

Всё было непросто, чаще всего зависело от настойчивости и энтузиазма конкретной личности, соединяющей в себе авторитет учёного, практика и организатора. Обретённые мной знания очень пригодились в будущем, и я не мог даже предположить, как скоро. Также оставалось очень немного времени до второго излома времён. Завершался 1988 г.

По запросу облстата я был уволен с Ясиноватского машзавода и по переводу принят на работу начальником отдела информационных услуг облстата, а через два месяца отдел был преобразован в отдел статистики внешнеэкономических связей и информационных услуг, со временем статус отдела был повышен до уровня управления. Главных задач было две: первая – создание с «чистого» листа и развитие нового вида статистики – внешнеэкономической, вторая – сформировать новый вид услуг, информационных. Был февраль 1989 г., канун нового излома.

Первая задача представляла собой эксперимент союзного масштаба, и проводился он в семи регионах СССР, где были созданы такие отделы, в УССР – один, в Донецкой области. Статистика ВЭС на региональном уровне вводилась впервые, а в области статистика велась в разрезе предприятий, отраслей, по видам товаров и стран. Причём все вновь созданные статистические службы имели прямое подчинение центральному аппарату ЦСУ СССР. И

ещё одна особенность, облстат имел в своём распоряжении достаточно мощный ВЦ с современной ЭВМ из ГДР, только недавно отстроенное здание с приличным машинным залом, с мощной системой кондиционирования и очистки воздуха. Все отделы облстата работали с предприятиями и организациями, в т.ч. городскими (районными) отделами по программам ВЦ. Но ещё подавляющее количество первичной информации формировалось вручную, а значит, снижалась достоверность и оперативность получения и обработки данных. Ну, а уже на республиканское ЦСУ весь массив информации уходил в электронном виде. Работая в производственной и экономической службе завода и почтового ящика, я был знаком достаточно хорошо с деятельностью органов статистики т.ч. и ВЦ, что и описал выше. В случае с созданием нового отдела, Москвой было определено условие создания статданных на уровне области только на электронных носителях, но уже на базе ПК, а не «большой» ЭВМ. Специалистов по ПК в облстате ещё не было. Получил и привёз ПК из Москвы, совместной итало-японской фирмы «Кеннон-Оливетти», с программным обеспечением по ведению статистики внешнеэкономической деятельности организаций и предприятий Донецкой области. Однако первичные статданные по-прежнему, как и с «большой» ЭВМ, поступали от организаций и предприятий главным образом в ручном режиме, что снижало их эффективность в части достоверности и оперативности. Но в любом случае наши методики формирования, обработки, передачи «наверх» данных и аналитические возможности выгодно отличались от прежних подходов на базе ВЦ, что в дальнейшем подтвердит жизнь.

Теперь переходим к вопросам второй задачи нового отдела. Как и в первом случае – новой статистики ВЭС, в рамках общесоюзного эксперимента, идея оказывать информационные услуги была идеей очень современного, думающего руководителя облстата с немалой долей смелости, поэтому он и искал работника нужного склада, что было воплощено в создании отдела статистики ВЭС и информуслуг и назначении меня его руководителем. При этом нужно иметь в виду, что органы статистики – строго государственная структура, и, учитывая процессы по формированию многоукладной экономики, происходившие в Союзе, некие изменения коснулись и госструктур, например, ВЦ облстата оказывал услуги областному пенсионному фонду. Но теперь вопрос о развитии информуслуг рассматривался через призму появления клиентов из среды нарождающегося бизнеса. Стали приниматься различные нормативные и законодательные акты, разрешающие те или иные виды деятельности. Получила развитие кооперативная форма организации бизнеса, стали образовываться СП с иностранным участием, затем – частные предприниматели, ЧП и т. п. структуры. Здесь было сразу несколько направлений, сначала требовалась регистрация юридического или

физического лица как субъекта статотчётности (до этого они проходили регистрацию в органах местной власти и юстиции по месту нахождения заявленного адреса). При этом, наряду с нарождающимся классом предпринимателей, определённую регистрацию проходили и предприятия, существующие давно, но меняющие форму собственности или структуру. Особенно это касалось тех, кто выходил на внешние рынки, открывал валютные счета. Здесь нужно пояснить, что в этот период в СССР происходила серьёзная либерализация экономической деятельности, в частности, предприятия получали возможность, после выполнения госзаказа как основы плановой системы ведения хозяйственности, осуществлять самостоятельные поставки (получения) продукции (услуг), в том числе и ВЭД по договорам. При этом всё подвергалось кодировке, а справочники были только в распоряжении облстата в крайне ограниченном количестве. Все процедуры подобного толка были платными, что вошло в доходы по информационным услугам нового отдела. Не буду углубляться в детали этого направления деятельности, она по мере осуществления правовой и экономической реформ в СССР ставила новые задачи, а мы их решали.

Рассмотрим ещё одно направление информ. услуг. Как известно, центральные органы статистики выпускали определённую справочную литературу и сборники под бдительным оком определённых госструктур. Степень детализации была ограничена, осознанно уходили от абсолютных данных и показателей, а найти данные о регионах, отдельных отраслях, товарах или о ВЭС вообще было невозможно. Мало было информации о демографии, социальных проблемах, сопоставлений с другими странами. Каждый из отраслевых отделов облстата выпускал по итогам различных периодов, от месяца, квартала и до года, сводные таблицы в соответствии с формами отчётности, сопровождая их небольшими аналитическими комментариями. Но главное то, что этим справочникам присваивался гриф «Для служебного пользования» (ДСП). Соответственно количество экземпляров строго учитывалось, они выдавались под роспись, использовать в открытой печати нельзя, а значит, и включать в научные публикации тоже. Напоминаю здесь и о моих собственных проблемах с получением актов особых отделов предприятий, где работал, к статьям при публикациях. Может показаться, что я излишне подробно пишу об этом, но дальше пойдёт речь о принципиально новом тогда в облстате виде информационных услуг. Мне было важно донести до тех, кто не совсем себе представляет, через что пришлось нам пройти в те непростые годы, чтобы сегодня иметь доступ к различным материалам социально-экономического состояния нашего общества. Государство того периода создало целую систему охраны тайны в печати. Через структуры КГБ в каждой организации и предприятия были особые подразделения –

1-й отдел, иногда это был всего один человек, который оформлял упомянутые выше акты о возможной публикации, например, научных статей и каких-либо материалов в открытой печати или отнесении их к ДСП. Они же контролировали прохождение материалов с ДСП, их хранение и использование. А теперь мы поставили перед собой задачу сделать доступными материалы статистики не только партийным и советским органам, а также отдельным научным учреждениям, но и тем, кто нуждался в нашей информации при организации своего бизнеса, независимо от формы собственности. Сделать эту работу можно было только через такой орган подконтрольный органам госбезопасности, как Обллит, структура, подобная особым отделам в организациях (т. е. 1-й отдел) и дающая разрешение на выход в открытой печати, в данном случае, статистических и аналитических материалов. Поскольку в нашем новом отделе были сосредоточены и два принципиально новых и актуальных вида деятельности органов статистики, с которыми мы определились выше, то вопросы открытия и даже популяризации статистики ВЭС, регистрации, кодирования товаров и видов деятельности не существовали вообще.

Складывалась парадоксальная ситуация: мы обрабатывали статданные об экономических связях с партнёрами за рубежом, а помещать итоги и аналитику должны были под грифом ДСП. Органы статистики должны регистрировать субъектов хозяйственности предприятий различных форм собственности и частных предпринимателей, а как сделать доступной им эти требования, было не совсем понятно. Понадобилось немало сил и времени, но в итоге мы всё же решили эти проблемы, оставим за «кадром» подробности и эмоции. Но мы не знали тогда, что не за горами то время, когда сама жизнь разрешит подобные проблемы: был канун нового, второго излома...

Параллельно с преодолением сложностей становления нового вида статистики – ВЭС и оказания также новых различных информ. услуг, мы установили очень тесные партнёрские отношения с такой важной организацией, как ТПП. Уставные положения деятельности этой организации находились на одном с нами, статорганов, поле деятельности. ТПП тоже оказывали целый ряд услуг, прежде всего субъектам ВЭД, такие как товарная экспертиза экспортно-импортных товаров, подтверждение обстоятельств «форс-мажора», декларирование экспортных и импортных товаров при оформлении таможенных документов.

Мы стали проводить совместные совещания и инструктажи с хозяйствующими субъектами. В облстате были помещения, где можно было проводить такие мероприятия, были полиграфические возможности для размножения нужных бланков, справочников и т. п. инструктивных материалов. С тех пор и по сей день я тесно сотрудничаю с ТПП, вхожу в ряд её структур на региональном и национальном

уровнях. Сотрудничество нас взаимно обогатило и повысило эффективность нашей работы. Самое интересное, что далеко не все, даже на высоком уровне государственных управленческих структур, знают: ТПП – не государственная структура, а самостоятельная организация, действующая на основе своего Устава и законодательства.

В это время на медийный простор вышли новые издания с публикацией материалов по социально-экономическим проблемам, и ими активно были востребованы те данные, которые совсем недавно получили «зелёный» свет для публикации облстатом. Например, это «Меркурий» ТПП, «Негоциант», «Город» и т. п. А известные и ранее газеты стали публиковать наши материалы. Кроме этого, ряд московских и киевских изданий с удовольствием взяли наши материалы по развитию ВЭС в Донецкой области, например, «Внешняя торговля», «Плановое хозяйство», «Вестник статистики», «Экономика советской Украины». В местной прессе были помещены материалы: о развитии НТП и конкурентоспособности продукции на международных рынках; социологический экспресс-опрос мнения населения; о состоянии валютных расчётов; Азовское морское пароходство: история, статистика, развитие, проблемы; финансовые показатели деятельности СП; о потребности в жилье; методика оценки деловых и личностных качеств руководителей; мнение населения по актуальным экономическим вопросам в связи с переходом к рыночным отношениям; об отношении к языку обучения в школах области.

Некие заметки на полях: в 1990 г. в облстате снова, в некоем смысле, повторилась история, подобная истории на Ясиноватском машзаводе, но теперь исключительно со знаком плюс. Меня снова избрали секретарём парторганизации, а, учитывая кадровую особенность облстата, допуск к закрытой информации, работу с партийными и советскими органами, число коммунистов было достаточно велико. А с плюсом потому, что к этому времени отдел укрепился, разросся, появились ещё новые виды деятельности и статистики, а спрос на наши статматериалы и аналитику очень вырос не только у партийно-хозяйственных органов, но и со стороны науки – и прежде всего со стороны ИЭП и ИЭПИ АН УССР. Наступил период наиболее продуктивной работы, я постоянно ощущал поддержку руководства облуправления. К этому времени была создана группа во главе с двумя академиками, которая разработала экономико-правовые основы формирования особой (свободной) экономической зоны в Донецкой области, в составе которой был и я. Впоследствии этот период позволит мне сделать новый серьёзный шаг в науке. А пока интерес ко мне вырос у вузов Донецка, это была дополнительная нагрузка, но – и заработок, и положение в научном сообществе. О СЭЗ речь впереди, а здесь мы ограничимся тем, что во время перестройки этот вопрос обсуждался в научном сообществе, а также вышел на

определённый уровень обсуждения во властных структурах и в бизнесе. Перед нами был набирающий силу и темп опыт КНР по созданию в недрах плановой государственной экономики, скопированной когда-то с СССР, теперь уже многоукладной экономики с элементами рынка, в т. ч. и создания СЭЗ. Однако вопрос о СЭЗ в ту пору ещё не вызрел.

В стране продолжалась демократизация различных сфер жизни, происходила либерализация экономики, и прежде всего ВЭД. В ВЭД стали формироваться новые потоки поставок, как структурно, так и географически. Доля плановых поставок в портфелях договоров предприятий снижалась, а прямые поставки, за счёт освобождающихся производственных резервов, росли. Естественно, у руководителей заводов сразу начались поиски «вариантов», что и как пристроить из поставок, чтобы заработать не только коллективу предприятия или организации, а значит и в бюджет государства, но и себе любимому. Это были первые шаги и результаты многоукладной экономики с элементами рынка. Появились возможности и предпосылки становления будущих олигархов. Но в Союзе ещё была крепка советская власть с её институтами силовых структур, в частности КГБ. И на стыке 1989–1990 гг. их представители прибыли в наш отдел статистики ВЭС. Ну а поскольку я коммунист и капитан запаса, то безо всяких обиняков приступаем к сотрудничеству в области экономических нарушений и злоупотреблений в ВЭД предприятий и организаций Донецкой области. При этом доверительно сообщают, понизив голос и приближаясь максимально к уху, что поскольку в «конторе» высвободилась определённая часть сотрудников с оперативной работы (они до этого были заняты диссидентами всякими и отслеживанием нежелательных контактов с иностранцами советских граждан, а также пребыванием иностранцев в местах нахождения различных объектов нашей промышленности определённого назначения), то их направили теперь на более актуальный участок, т. е. в экономику. Но проблема в том, что придётся на ходу переучиваться и в скоростном темпе изучить коварную экономику, да и ещё ВЭД. С того момента и достаточно продолжительное время скучать не приходилось от их присутствия, но результаты от этого необычного сотрудничества были, и весьма существенные.

Главными объектами наблюдений и интереса со стороны «органов» были растущие, как грибы после тёплого дождя, новые малые формы предприятий, СП, частные предприниматели, особенно заключающие посреднические сделки с крупными предприятиями у нас и иностранными заказчиками. Важно заметить: эти новоявленные бизнес-структуры имели валютные счета не только здесь, но и за рубежом, что позволяло им, создавая маржу на разнице заявленной стоимости и фактической, накапливать за рубежом капиталы, в т. ч. и в офшорных зонах. Не буду вдаваться в тонкости оперативной

работы, но с помощью нашего учёта в облстате регистрируемых фирм, в т. ч., как выяснилось, и однодневок, которые, совершив некую сделку, просто прекращали свою деятельность, её «хозяин» оказывался каким-то гражданином, потерявшим паспорт, а адрес места нахождения – вымышленным (один раз был вопиющий случай – регистрируемый указал адрес районного отдела статистики, ну откуда наш работник мог знать адреса почти 60 отделов статистики в городах и районах 5-миллионной области!)... так вот, с помощью учёта и регистрации и архива обрабатываемых статотчётов о ВЭС предприятий и организаций была «выловлена» подозрительная отгрузка металла на Мурманск. А там на погрузке находилось судно, в трюме которого внизу были загружены титановые слитки, а сверху – полуфабрикат чёрного металла. Цена первого и второго отличается в разы, а значит, вся маржа осела бы на неведомых нам счетах; подобные истории происходили и с алюминием. Так что чекисты восприняли нашу науку и остановили незаконные операции. При нашем доверительном сотрудничестве мы неожиданно вышли на проблему моей семьи, и я встретил у чекистов понимание. Дело в том, что в 1938 г. был репрессирован мой дед, Макогон Герасим Фёдорович; как выяснилось при реабилитации в 1957 г., он был расстрелян практически сразу после приговора «тройки». Мой папа умер в 1976 г., т. е. задолго до моего общения с «гебистами», но была жива его родная сестра, моя тётя, она входила в общественную организацию членов семей репрессированных и жертв фашизма как угнанная в Германию в период ВОВ. Так вот, представители власти Краматорска разьяснили, что родственники могут обратиться в КГБ и ознакомиться с делами своих репрессированных родственников. Я, как-то будучи на малой родине, где из родственников только тётя и осталась, рассказал об особенностях своей работы, в т. ч. и с «органами». Ну, тётя и надела на меня – спроси, попроси... Изложил свою просьбу при очередном контакте с «ребятами» – как у «них» водится, кивок головой и ничего не выражающий взгляд. Время шло, наполненное работой, я уж стал забывать, и вдруг – звонок «оттуда». «Вы хотели... Вас ждут, пропуск заказан». Кроме моей просьбы, предложили совместить мои интересы с определёнными вопросами и назначили ещё и встречу с генералом, он уже побывал у нас в начале процесса сотрудничества, когда определялись цели и задачи нашей совместной работы. Встреча с генералом прошла в рабочем порядке, носила исключительно деловой характер, и были сказаны одобряющие слова об эффективности нашей совместной работы. А потом... меня спросили, не передумал ли я ознакомиться с документами. Признаться, меня это смутило и насторожило, но не отступать же, и я ответил, что не передумал, хотя что-то стало не по себе.

Безусловно, может быть, я напрасно здесь вспоминаю об этой части нашей жизни, но дальше будет

понятно, почему написал. В отдельном кабинете, видимо, предназначенном для подобного рода процедур, мне принесли папку с бумагами более чем 50-летней давности. Ко времени этих событий я много узнал от родных и близких мне людей, прочитал много книг, статей, увидел фильмов и спектаклей о том времени, однако восприятие было противоречивым и неоднозначным. А вот теперь передо мною лежали безмолвные свидетели того, что касалось меня: во мне течет кровь человека, который был осознанно оболган и, практически без суда, осуждён – и впоследствии погиб. Даже в те годы находились люди, которые, рискуя, поддерживали жертв системы, и бабушка смогла на несколько минут получить свидание после суда «тройки». Дед знаками дал понять ей, что «получил» 10 лет без права переписки. Кто же знал тогда, что это означает...

Странно было видеть бумаги, которые прекрасно сохранились, а родного мне человека давно нет, и я его видел только на фотографиях, и слушал рассказы о нём, после того, как его реабилитировали. Мой дед был техинспектором ЦК профсоюза работников тяжелого машиностроения на заводах Краматорска. Он был участником Первой мировой войны, попал под газовую атаку и до конца своей жизни болел туберкулёзом, был инвалидом войны, которую в новой стране стали называть империалистической. Его избрали депутатом совета Бердянского железнодорожного узла. И вот из 1918–1919 гг., лихих годов гражданской войны, прилетела «пуля», которая убила деда. При чтении материалов для меня стало ясно, что родившийся донос 1938 г. был неубедителен – и «нашли» подтверждения в событиях 20-летней давности (см.: Реабілітовані історією. Донецька область. Кн. 9. Київ; Донецьк, 2012. С. 191–199). Когда мы прощались с чекистами, я видел их понимающие и сочувственные взгляды. Они сняли ксерокопии с некоторых страниц дела моего деда. Эти страницы я тут же отправил в Краматорск тётю. Как станет потом известно, ей стало плохо от прочитанного в копиях дела отца. Непростая история, но таких вокруг было много. Далеко не все становились достоянием памяти даже в собственных семьях, по разным причинам. Сначала официальное табу на разглашение, затем просто боязнь за судьбы близких, желание избавиться от некоего «клейма» для продолжения вхождения в жизнь общества последующим поколениям семьи.

Шёл 1991 год, и второй излом приближался, и его масштабы были грандиозны! Налицо были предвестники очень больших изменений: воссоединилась Германия, поглотив ГДР; распался СЭВ, соответственно одна за другой страны Восточной Европы стали выходить из системы многосторонних и двухсторонних экономических договоров и соглашений с СССР. На эти внешнеэкономические события мы в отделе статистики ВЭС отреагировали выпуском аналитического материала «О проблемах ВЭС Донецкой области в условиях расформирова-

ния СЭВ». В этом же году в апреле принимается Закон СССР «О внешнеэкономической деятельности». За месяц до этого прошёл Всесоюзный референдум о сохранении СССР. Абсолютное большинство, кроме небольшого количества радикально настроенной части общества, дали чёткий ответ «ДА», хотим сохранения СССР при предоставлении прав союзным республикам на экономическую деятельность, и прежде всего ВЭД. Закон о ВЭД как раз и отвечал на запросы бизнеса по организации и развитию ВЭС в рамках республики в составе СССР. Самое интересное, что это один из немногих экономических законов, который с некими незначительными правками действует до сих пор. Одним словом, запахло «незалежностью», а у истории были послания нам, Украине и Донбассу, чем такое обернулось, и не раз, в НАШЕЙ истории разных временных слоёв. Пытаясь абстрагироваться от штормовых ветров происходящего, наш отдел статистики на ПК осваивал новый вид статучёта и информуслуг – таможенную статистику. К нам в облстат стали поступать грузовые таможенные декларации (ГТД) для их учёта как составляющей статистики ВЭС. Однако технологии первичного формирования данных принципиально были различны. В первом случае, начиная с 1988 г., формы заполнялись на предприятиях и в организациях «вручную», а уж потом мы вводили это в ПК, и налицо был целый ряд потерь и в оперативности, и в достоверности. А вот таможенная статистика создавалась на основе первичного документа – ГТД – сразу при оформлении груза, и не предприятием, а декларантом, например, ТПП.

Это сразу вывело отдел статистики и информуслуг на новый уровень технологии сбора, обработки и передачи данных. С помощью ПК мы стали более оперативно и качественно выпускать аналитические материалы. Практика сразу поставила и новые вопросы, например, ГТД давала информацию только о движении товаров, а ведь нужно было учитывать и услуги. Кроме этого, как упоминалось ранее, какая-то часть фирм не предоставляли отчётности, т. к. просто исчезали после совершения сделки. В отдел статистики ВЭС отчёта за прошедший период не поступало, а ГТД – поступала. У нас стало «рвать» отчётность. По результатам первого же года – на 2 млрд долл., и эта тенденция сохранялась долго. Ранее мы описывали работу «чекистов» по обнаружению различных злоупотреблений в экономической сфере. И вот первые оценки одного из источников формирования теневой экономики, а ведь ещё и существовала просто откровенная контрабанда, далее – криминальная составляющая. Капиталы будущих олигархов пополнялись. Ещё на рубеже 1990 и 1991 гг. пришло время создавать в Госкомстате СССР управление статистики ВЭС. Взяли за основу наш донецкий опыт, приезжали, изучали, обобщали. За окнами бушевали политические страсти. И наступил новый излом. Если эпоха «застоя» продолжалась 20 лет, то «перестройке» хватило шести. Но ка-

кой итог?! Поистине тектонический излом – планетарный. Распад СССР. Не буду даже пытаться писать о политических перипетиях того бурного периода нашей новейшей истории, об этом написано и высказано немало. У каждого автора своё видение, при формировании которого имело значение множество факторов: положение в обществе, образование, профессия, что терял-приобретал, возраст – и так можно перечислять до бесконечности. На фоне происходящих событий для меня и моих коллег продолжались непростые, но в то же время обычные жизнь и работа. Развивалась и совершенствовалась статистика ВЭС, например, добавилась статистика об иностранных инвестициях и о деятельности СП. Укреплялось сотрудничество с академической наукой – ИЭП, а также с вузами Донецка, где всё больше рос интерес к изучению особенностей ВЭД и рыночной экономики. Отдел выпустил аналитические материалы по результатам социологических обследований об общественном мнении перехода к рыночной экономике в вопросах труда и о том, какая армия нам нужна?

И вот он, рубеж, раздел на до и после: август 1991 г. Здесь всё сошлось. Калейдоскопическая смена названий и управленческих структур, ведомств, образование новых. Ведь на карте мира появилось новое независимое государство – Украина, со всеми атрибутами его независимости. Это касалось и статистики. Но отдел статистики ВЭС единственный направлял материалы на Москву, и мы полностью сдадим отчёт за 1991 г. почти в середине 1992 г., даже «Вестник статистики» (Москва) публикует в № 5 статью в соавторстве «Совместные предприятия Донецкой области: экономико-статистический анализ». Однако больше всего в эти дни меня поразило решение «сверху» о роспуске коммунистической партии, а впоследствии и о запрете её деятельности. Волей происходящих событий я стал последним секретарём парторганизации облуправления статистики. В нарушение указания документы организации сдал не в облгосархив, а в архив нашего статуправления. Я вдруг ощутил себя, как когда-то, видимо, чувствовали себя царские офицеры при крушении империи. Накупил и изучил воспоминания генералов белой гвардии, кое-что перечитал, например, «Белую гвардию» М. Булгакова, и всё время находил параллели, чувствовал себя на родине как за рубежом. А в период ГКЧП разделял взгляды этих людей, тем более что с тремя из них встречался по работе и имел представление об их профессиональных качествах.

Ну а в облстате, в некотором смысле слова, работы прибавилось и на участке перерегистрации, и новой регистрации хозяйствующих субъектов, особенно имеющих ВЭД, в связи с такими бурными событиями, реорганизациями, переименованиями и т. п. В рамках преобразования различных госструктур, в частности формирования таможенной службы, из нашего отдела статистики ВЭС группу

специалистов, которая обрабатывала ГТД, с программами и архивом передали в донецкую таможню. Мы в этом действии узрели желание таможни убрать из нейтрального ведомства – органов статистики – весь учёт и архив ГТД, т. к. слишком часто у чекистов возникали вопросы именно к работникам таможенной службы. Доступ к документам можно было иметь в статистике, а теперь всё стало находиться в таможне. Вывод напрашивался сам собой. Так заканчивался 1991 г., к событиям которого придётся обращаться не раз, в основном, по грустным поводам. Память хранит очень отрицательное восприятие политических «фигур» того периода, а экономика получила такой сокрушительный удар, что по определённым секторам так и не смогла оправиться, а некоторые отрасли и предприятия прекратили своё существование.

Чтобы оценивать происходившее в момент перехода от СССР к Украине, необходимо было бы, как мне кажется, учесть некую особенность страны, которая формировалась 70 лет, идя напролом через революции, войны и созидания, формируя при этом новую общность – советского человека. Даже предполагалось убрать из паспорта графу «национальность». К сведению: в Российской империи указывалось вероисповедание, а не национальность; ну а при выдаче новых паспортов Украины указывали гражданство, т. к. если бы указали национальность, то структура населения дала бы другой срез и иное представление о том, кто живёт в Украине, и процессы в Украине по формированию национальной структуры общества пошли бы по иной траектории; но кто-то умный и дальновидный это просчитал. И когда росчерками перьев в один присест в Беловежской пуще решили судьбу Державы, то о многих последствиях эти авантюристы не хотели задумываться, не «царское» это дело, когда каждому перепало по Царству. В спешке многие вопросы юридически не проработали, и они так и остались до сих пор открытыми. А что статистика, наука, экономика?

Экономика обладает инерцией и пока двигалась. Пока продолжались поставки экспорта-импорта, выполнялись внутрисоюзные договора, кооперация и т. п. действия. Однако это была агония огромной страны, «от Москвы до самых до окраин». Мы – статистика ВЭС – почти ещё год сотрудничали с Москвой. Новое-старое руководство теперь уже Державы Украина с удовлетворением осматривало «закрома», т. е. промышленный и сельскохозяйственный потенциал, движимое и недвижимое. Статистика была активно востребована и выдавала данные, но как-то не очень поясняя, что всё это значит. И каждый в данных статистики видел желаемое, не анализируя сути. Вопрос, а были ли в руководстве профессионалы, прагматики? Да, был глава правительства, который прошел школу директорства на НКМЗ, председателя Госплана УССР, предсовмина УССР. Я был знаком с этим удивительным челове-

ком, он лично принимал меня на работу, и, как я думаю, его подкупило то, что я попросился в цех, он вспомнил и своё начало на заводе в таком же качестве. Но как только зашумели улицы и площади, где «успешно» использовали бунтарскую энергию студентов, председателя Совета министров Украины отправили в отставку, правда, была «реинкарнация», когда новое руководство зашло в тупик со своими реорганизациями, но это не принесло положительного результата и превратилось в фарс. Так уж случилось, но судьба подарила мне ещё одну встречу с главой правительства, хотя разговор был в «миноре». Во время беседы я не решился напоминать о деталях нашей давней встречи, понимая, что при его масштабах и количестве встреч немыслимо удержать в памяти такие детали, как приём на работу, хоть и по звонку первого секретаря ГК КПУ, бывшего секретаря ГК ЛКСМУ. Думаю, понятно, что такое событие впечаталось в мою память навсегда. Но в те далёкие годы события приёма на работу на НКМЗ не прошли гладко и вернули меня к непростой истории моей семьи. Как излагалось выше, я был третьим поколением новокраматорцев, оба деда, папа и мама отдали заводу в сумме десятки лет, теперь, после службы в армии, пришёл и мой черёд. Папа работал начальником одного из самых крупных конструкторских бюро завода. Когда беседа с директором подошла к завершению, он через селекторную связь переговорил с начальником одного из многочисленных цехов (их более 20) о том, что направляет меня в цех №... Теперь мне необходимо было идти в отдел кадров. Как оказалось, директор направил меня в «закрытый» цех (до назначения директором он был замдиректора по спецпроизводству). А мной при оформлении занялся представитель 1-го отдела, который заявил, что не может пропустить меня в эту группу цехов, упомянув при этом, что хорошо знает моего папу, и рекомендовал посмотреть варианты по специальности диплома. Мне тут же выписали направление в кузнечно-прессовый цех, поскольку я окончил институт по специальности «обработка металлов давлением». Но в КПЦ никто из руководства не звонил, и меня там не ждали, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Там, в КПЦ, могли предложить работу только в ремонтной службе. Чуть позже в разговоре с папой выяснилось, почему так бодро и «радостно» особист заявил, что знает моего папу. После встречи со мной особист разговаривал с папой и без реверансов сказал: «Вы что, забыли, кто вы?», имея в виду репрессию деда, хотя тот был реабилитирован, но есть ещё родной брат отца, проживающий в США, куда он эмигрировал из Италии, где воевал в партизанах, бежав из немецкого плена. Трудно передать в повествовании мои чувства, когда я слушал объяснения моего папы. Я молодой коммунист, только что демобилизовался в офицерском звании из армии, работавший вторым секретарём ГК ЛКСМУ, – и вдруг не могу работать в закрытом цеху.

Иду, понутив голову от невесёлых мыслей, а тут навстречу бывший секретарь завкома комсомола с правами райкома. Знакомы были давно и достаточно близко, он очень нас поддерживал в организации КЭКа – об этом речь идёт в самом начале нашего повествования. Изложил ему свою печаль, после обмена первыми обычными фразами спустя большое время отсутствия в городе. А он и говорит: пошли со мной, рядом механический цех, где я замначальника. Заходим, и по ходу, прямо по пролётам и задаёт вопросы о том оборудовании, мимо которого мы проходим, я отвечаю. Здесь надо пояснить, что, кроме изучения в институте обработки металлов давлением, я окончил политехническую школу, тогда реально 11-летку с получением квалификации станочника, и работал в течение трех лет один день в неделю на различных станках. Теперь пришлось держать блиц-экзамен, и я его сдал. Тут подошёл ещё один из замов начальника цеха, мы знали хорошо друг друга по комитету комсомола вуза. И они вдвоём уговорили меня согласиться идти работать мастером. Вот так бывает непросто, а получается – судьба.

Извините за такие отступления, не получается придерживаться жестких рамок последовательности событий. Возвращаемся из 1971 г. в 1991 г. Так вот, что же увидели политики в «закромах» родины, 27% от валового продукта СССР, при 1/6 части населения Союза, т. е. на душу населения самый высокий уровень ВВП, теперь уже в бывшем СССР или СНГ – название, с которым нам теперь предстояло жить. Страна Украина сопоставима по многим показателям с Францией, Италией, т. е. входила в пятерку крупнейших стран Европы. Но при этом мало кто вникал, когда декларировал её возможности, что этот потенциал можно реализовать только при условии наличия кооперации в рамках Союза и СЭВ, что почти половина объёма ВВП – ВПК. А прежней армии нет, стало быть, и заказов тоже. В качестве примера можно упомянуть, что треть судостроения СССР находилось в Украине, прежде всего для

ВМФ, можно вспомнить ещё другие отрасли и предприятия, которые пали жертвой необдуманной и невзвешенной политики с точки зрения экономики. Но главное, мы теряли людей высокой квалификации.

Макогон Ю. В. На зламах часів... Мій літопис півстоліття. Есе. Частина перша

Автобіографічна спроба розповісти про той час, у якому жив, ставав тим, ким тепер є, і про виникнення потреби розповісти про пережиті, та й ті, які ще досі переживаю, наслідки зміни часів. У кожного автора своє бачення, при формуванні якого мали значення безліч чинників: становище в суспільстві, освіта, професія, що втрачав-набував, вік – і так можна перелічувати нескінченно.

Ключові слова: економіка, статистика, виробництво, наука, країна.

Makogon Yu. At the Crossbreaks of Time... My Chronicle of Half a Century. Essay. Part one

An autobiographical attempt to tell about the time in which he lived, became who he is now, and the need to tell about the experienced, and still experiencing, the consequences of changing times ... Each author has his own vision, in the formation of which many factors mattered: the state of society, education, a profession that has lost and gained age – and so can be listed indefinitely.

Keywords: economy, statistics, production, science, country.

Макогон Ю. В. На изломах времён... Моя летопись полувека. Эссе. Часть первая

Автобиографическая попытка рассказать о том времени, в котором жил, становился тем, кем являюсь теперь, и о возникновении потребности рассказать о пережитых, да и ещё переживаемых, последствиях смены времён. У каждого автора своё видение, при формировании которого имело значение множество факторов: положение в обществе, образование, профессия, что терял-приобретал, возраст – и так можно перечислять до бесконечности.

Ключевые слова: экономика, статистика, производство, наука, страна.

Стаття надійшла до редакції 04.03.2021

Прийнято до друку 16.03.2021